
В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУР

В. В. ПРУДНИКОВ

ВЫРАЖЕНИЕ ТЕЛЕСНОСТИ В НОРМАННСКИХ ХРОНИКАХ XI–XII ВВ.

В данной работе исследуются вопросы, связанные с проявлением телесности, как то: описания внешности, оценочные характеристики, которые норманнские и византийские авторы давали выходцам из герцогства Нормандия – норманнским рыцарям. Эти потомки викингов-завоевателей в краткие сроки овладели языком, культурой, религией покоренных ими франков и на рубеже X–XI вв. устремились в паломничество по святым местам. Однако этим они не удовлетворились и в течение XI в. путем завоеваний достигли главенствующего положения не только в сообществах Южной Италии, Сицилии, но и на Ближнем Востоке, в Сирии и Малой Азии.

***Ключевые слова:** норманны, телесный облик, норманнские и византийские авторы.*

В условиях развития современного гуманитарного знания историческая наука требует от исследователя не воссоздания отдельных сторон жизни прошлого, но, скорее, разработку целостного представления о жизни людей из плоти и крови. «Удобства ради, – писал Л. Февр, – человека можно притянуть к делу за что угодно – за ногу, за руку, а то и за волосы, но, едва начав тянуть, мы непременно вытянем его целиком. Человека нельзя разъять на части – иначе он погибнет» (Февр 1991: 26). Изучение внешнего телесного облика людей крайне важно в деле воссоздания целостного представления о жизни людей прошлого.

Вопрос о телесном облике норманнов возникает на стыке различных гуманитарных дисциплин. Известно, что Аристотель выдвигал принципы понимания человека как целостного существа, не делимого на телесную и духовную субстанции (Яременко 1997: 8),

а К. Маркс понимал телесность как результат социальной деятельности человека (Яременко 1997: 14).

М. Бахтин рассматривал проблему телесности как проблему ценности, имеющую две ипостаси: тело внутреннее и внешнее. Внутреннее как момент самосознания есть совокупность внутренних ощущений, потребностей, желаний. Внешнее тело есть тело другого человека. Поэтому, чтобы увидеть свое собственное тело как внешнее, он нуждается в помощи другого человека. Представители философско-культурологического подхода О. Шпенглер, А. Лосев, И. Конт, Ж. Ле Гофф разделяли телесность на «тело индивида» и «тело общества». Общество со всеми его структурами и особенностями и есть то зеркало, в которое смотрится индивид: «Человек для человека является зеркалом» (Там же: 18).

С. Н. Яременко рассматривала влияние общественных условий различных эпох на изменения образа телесности (Там же: 24), также поставив себе задачу «показать наличие в телесном образе этнических характеристик» (Там же: 55). Она считает, что в телесности выражены черты эпохи, социума и этноса, к которому принадлежит индивид «душой и телом». По ее мнению, этнический телесный образ (представление о внешнем облике человека, о его телесной выразительности, типичной для данного этноса, и о поведении данного человека) занимает важное место в самосознании каждого этноса (Там же: 47).

Свидетельства авторов о внешнем облике норманнов рассматривались исследователями исключительно в качестве иллюстративного материала для доказательства выдвинутых тезисов. Английский исследователь У. Маквин, изучая отношения норманнов и византийцев, обращает внимание на описание внешности норманнского правителя Боэмунда (McQueen 1986: 469). На основании этого описания он делает вывод о том, что при византийском дворе норманны признавались идеалом военного аристократа.

Как относились к телу в Средние века? Жак Ле Гофф говорит, что в средневековом обществе существовали две противоположные точки зрения на тело как таковое (Ле Гофф 1992: 330–331). Существовавший в обществе христианский идеал требовал от людей презирать свое тело. В то же время идеал воинственности прославлял тело в такой же степени, «в какой христианский идеал его принижал». Военной аристократии был присущ культ физической силы, находивший отражение в сказаниях о рукопашных схватках и не-

бывалых рыцарских подвигах, которые очень сильно напоминают спортивные достижения (Ле Гофф 1992: 316–318).

Жак Ле Гофф считает, что «одним из главных средств выражения в средневековом обществе было само человеческое тело», что сама «средневековая культура была культурой жестов» (Там же: 333).

Интерес к внешнему телесному облику, а вернее, этническому стереотипу проявил Л. Н. Гумилев. По его мнению, население средневековой Европы было очень разнородным: «...в крестовый поход шли вместе голубоглазые блондины из Нормандии, Саксонии, зеленоглазые шатены из Бургундии, чернявые, сухощавые провансальцы, носатые итальянцы (потомки сирийцев, заселивших Лангобардию во времена Римской империи) и испанцы, которых не всегда можно было отличить от арабов» (Гумилев 2002: 358).

Из данного краткого обзора литературы становится понятно, что телесный облик норманнов никогда не становился в науке предметом специального исследования. Мы не знаем, как относились норманнские авторы и сами норманны к телесности, выражением каких ценностей являлся телесный облик норманнов. Другими словами, мы не знаем, каким был идеал внешнего телесного облика норманна в их собственной культуре. Какие изменения он претерпел, скитаясь во времени и пространстве от Нормандии до Византии в течение двух столетий?

Но прежде всего необходимо задать некоторые методологические предпосылки данному исследованию и дать ответ на ряд неизбежно возникающих вопросов: где в авторских текстах надо искать проявления внешней телесности норманнов? На что необходимо обратить внимание?

Мы отдаем себе отчет в том, что в исследовании этого вопроса перед нами стоят проблемы в первую очередь теоретические и методологические. Изучение внешнего телесного облика норманнов связано с определенными трудностями при использовании источников. Известно, что средневековые авторы, хотя и были современниками норманнов, при написании своих хроник чаще прибегали к заимствованиям из культурной традиции. Поэтому необходимо учитывать влияние сознания авторов (происхождение, род занятий, конфессия, особенности личностного восприятия и т. п.) на создаваемый ими образ внешней телесности норманнов.

Составляющими компонентами внешнего телесного облика являются: рост, телосложение, форма и размеры тела, возраст, телес-

ная красота, физические качества, форма лица, цвет кожи, глаза, волосы. Чем больше автор говорит о внешности героя, тем более он ему интересен. Проявлением внешнего телесного облика в тексте также будут сопутствующие атрибуты: оружие, одежда или любой другой предмет, который постоянно упоминается авторами при описании героев.

Поскольку нам известно, что телесность проявляет себя не только статически, но и в движении, немалое значение для нас будет иметь описание поведения норманнов в той или иной ситуации: в бою, при встрече с другими и т. д., где дается представление о движении их тел.

Но нам необходимо не только выявить проявления телесности в хрониках авторов, но и объяснить их. Другими словами, нужно показать, как работало сознание хронистов, какой смысл они вкладывали в описание внешнего телесного облика норманнов. Этот смысл во многом обусловлен влиянием исторической эпохи, традиции и той культурной среды, в которой жили и творили те или иные авторы.

В нашем распоряжении имеются работы авторов разного этнического происхождения, которые творили в разное время и принадлежали к разным культурным традициям. Учет различий авторов позволяет нам получить целый спектр оценок внешнего телесного облика норманнов, преломленный через призму сознания хронистов.

Существует еще одна методологическая проблема, связанная с восприятием средневековых хронистов, без решения которой нельзя приступать к исследованию. Это проблема сочетания общего и индивидуального, поскольку хронисты предоставляют нам не только общие характеристики народа в целом, но и индивидуальные портреты. Разумеется, индивидуальные особенности того или иного человека, хромота или хриплый голос не могут быть присущи народу в целом. «На первом плане стоит внешний физический облик индивида как типичного представителя этноса» (Яременко 1997: 48). Сведения хронистов о внешнем облике могут быть недостоверными, но тем не менее авторы были способны ухватить объективные особенности внешнего облика представителей различных этносов. Таким образом, мы можем рассматривать общие и индивидуальные характеристики норманнов в единстве.

Важные сведения о наиболее ранних мифах и традиции норманнов содержатся в хронике каноника аббатства Сен-Кантен в Нор-

мандии Дудона «De moribus et actis primorum Normanniae ducum», написанной им в начале XI в. по заказу нормандских герцогов Ричарда I и Ричарда II (Dudo 1865). Как продолжение историографической традиции Дудона в первой половине XII в. возникают новые норманнские хроники «Деяния нормандских герцогов» и «Церковная история», авторами которых стали монахи монастырей Нормандии Вильгельм Жюмьежский и Ордерик Виталий.

У Дудона мы не находим сведений о росте, телосложении или каких-либо иных особенностях внешности норманнов или их предводителей. Лишь однажды он прибегает к характеристике герцога Вильгельма I как атлета Христа, за которой мы видим только идеологический образ, но не указание на телесный облик Вильгельма. Очевидно, Дудон как монах считал непристойным воздавать хвалу норманнам за достоинства их внешнего облика, который был далек от монашеского идеала. Свою задачу он видел в описании деяний норманнских правителей, но не в качестве воинов, царствующих на поле боя, а исключительно как правителей – защитников церквей, справедливых судей, покровителей вдов и сирот.

Означает ли отсутствие в хронике Дудона описаний статической телесности норманнов полное отсутствие у норманнов представлений о наиболее типичном внешнем облике? В хронике описываются столкновения норманнов с франками, бретонцами, англосаксами, германцами и мусульманами в течение ста лет. Возможно ли, что в период, когда ковалось самосознание норманнов в противопоставлении с другими народами, у них не сформировались стереотипы ни своего телесного внешнего облика, ни внешнего облика других народов? Вероятно, к началу XI в. у норманнов эти представления еще не были оформлены окончательно, поскольку их окружали народы со схожими чертами внешнего телесного облика. Возможно также, что эти различия были столь очевидны, что Дудон не нашел нужным на них останавливаться.

В то же время у Дудона можно найти динамические проявления телесности норманнов, которые сразу обращают на себя внимание своей самобытностью. Например, Дудон рассказывает о принесении клятвы верности первого норманнского герцога Роллона королю франков Карлу Простоватому. По условиям этого договора Роллон в знак верности должен был нагнуться и поцеловать ногу короля. Но предводитель викингов не пожелал делать это сам, а поручил одному из своих людей, который, вместо того чтобы опуститься перед королем на колени, схватил короля за ногу и под-

нес к своим устам, не сгибая при этом спины. Разумеется, король не сумел удержать равновесие и упал.

Таким образом, отсутствие статических форм выражения телесности норманнов с лихвой окупается описанием Дудоном динамических этносоциальных стереотипов поведения.

Через столетие, в первой половине XII в., возникают новые норманнские хроники, авторами которых стали монахи нормандских монастырей Вильгельм Жюмьежский и Ордерик Виталий. Первый озаглавил свою работу «Деяния нормандских герцогов», а второй – «Церковная история». Ордерик Виталий дает примеры внешнего телесного облика норманнов. Характеризуя сыновей некоего норманнского магната, он говорит, что «все сыновья Гугона были телом прекрасны, роста высокого и деятельные» (Orderici... 1855: 646). Ордерик создает индивидуальные портреты отдельных предводителей. Так он описывает сына Вильгельма Завоевателя, участника Первого крестового похода Роберта: «У него было пухлое лицо, жирное тело, и он был коротышкой, вследствие чего получил в просторечье прозвище жирные ноги и короткий чулок» (*Ibid.*: 646).

У Вильгельма мы встречаем описание внешности второго герцога Нормандии Вильгельма: «Он был высокого роста, с красивой внешностью, с блистающими глазами, кроткий с друзьями, словно лев, страшный врагам, словно гигант, сильный в битвах» (Jumege 1914: 803). Это описание внешности норманна указывает на норманнские представления о внешнем телесном облике. На основании этого описания мы не можем сделать вывод об этнических чертах в телесном облике герцога Вильгельма, так как Вильгельм Жюмьежский не проводит сравнений с другими народами. Но тем не менее в наших руках свидетельство о том, как должен выглядеть предводитель норманнов.

В другом месте Вильгельм говорит об аббате Герлуине – основателе Бекского монастыря в Нормандии. Он рассказывает, что до своего пострижения в монахи Герлуин, потомок датчан, был известным рыцарем в Нормандии. В частности, он рассказывает о Герлуине, что среди прочих рыцарей Нормандии он был первым не только «в оружии и во всех военных делах», но и славился «красотой тела» (Там же: 838).

У Вильгельма Жюмьежского есть рассказ о паломничестве в Святую землю герцога Нормандии Роберта, в котором приводится описание встречи с византийским императором. В этом рассказе

сочетаются статический и динамический стереотипы телесного облика герцога норманнов. Роберт Благочестивый, «представ перед императором, сел рядом с ним без приглашения. Тот император, также воссев и дивясь его достойному виду и стройным формам, через толмача спросил: не является ли тот королем франков Робертом, который, столь учтиво и царственно ведя рыцарские отряды, пожелал отправиться на поклонение гробу Господа Христа?» (Jumeges 1914: 112–113).

Все в этом рассказе направлено на то, чтобы поднять престиж норманнского герцога до уровня византийского императора. И поддержанию престижа служат «достойный вид и стройные формы» герцога и его поведение в присутствии императора, за которым нетрудно разглядеть тот же стереотип, которым руководствовались Роллон и его люди в присутствии Карла Простоватого.

Итало-норманнские хронисты практически не оставили нам индивидуальных портретов норманнов. Вильгельм Апулийский не дает описания внешности главного героя своей поэмы – герцога Роберта Гвискара. Малатерра оставил всего несколько слов о внешности графа Сицилии Рожера, как и Амато о правителе Капуи Ричарде. Из этого можно заключить, что Малатерра и Амато дали нам портреты наиболее важных с их точки зрения вождей норманнов, от которых они зависели напрямую и для которых составляли свои хроники.

Оба автора оставили схожие описания. Если Малатерра говорит, что Рожер был «юношей прекраснейшим», «высокого роста», «с телом стройным» и «физически сильным» (Malaterra 1928: 18–19), то Амато представляет Ричарда Капуанского как «юношу с красивым лицом», с идеальными размерами и формами тела, в расцвете сил (Montecassino 1935: 110). Таким образом, можно сказать, что оба портрета выполнены по одному шаблону, в котором основными характеристиками являются юный возраст, внешняя привлекательность, идеальное телосложение и физическая сила обоих норманнских предводителей.

А как хронисты говорят о внешности норманнов не в отношении отдельного индивида, но в целом? Для Амато норманны – племя «очень крепкое и сильное» (*Ibid.*: 9). Малатерра при описании норманнов в целом упирает на их выносливость – способность переносить лишения и тяжкий труд. Таким образом, в представлении норманнских хронистов норманны сами по себе не обладали

яркими внешними данными, кроме как физической силой и способностью переносить тяготы военной жизни.

В противопоставлении с другими народами норманны сильно проигрывали германцам и византийцам по своим физическим данным. Вильгельм Апулийский говорит, что в битве при Чивитато германцы, «известные длинными волосами, красотой форм и размерами тел, высмеивали тела норманнов, которые казались короче. Их ничуть не уважали, поскольку не могли сравниться с ними ни числом народа, ни силой» (Apuliensis 1851: 255).

Вильгельм с явной симпатией пишет о германцах: «Это отважный народ с храброй душой, но они крайне неумелы в управлении лошадьми. Они более искушены во владении мечом, чем копьем; поэтому они не могут управлять своими лошадьми без помощи рук. Они не могут наносить смертельные ранения копьем, но только своими мечами. Для этого их мечи специально удлиняются и остро затачиваются. Их телосложение позволяет им наносить удары сверху по голове и рубить человека надвое. После того как оставят лошадей, они стоят твердо в качестве пехотинцев. Они предпочитают погибнуть, но не отступить. Они более страшны, когда сражаются на земле, чем на лошадях. Такова отвага этого народа» (*Ibid.*: 256–257).

Малатерра, описывая схватки норманнских предводителей один на один с византийцами, сравнивает «греков» с гигантами. Когда Роберт Гвискар встретился с Петром Тирским, то удивился «огромному, прямо гигантскому телу» последнего. При осаде одной крепости в Калабрии воинов его брата Рожера ужасал «некий сильнейший и с огромным телом муж, который войско норманнов многими оскорблениями бесчестил и которого все как гиганта боялись» (Malaterra 1928: 23).

Однако не следует думать, что норманнские хронисты стремились показать физическую слабость норманнов и мощь их противников. Напротив, в этом противопоставлении хронисты следовали другой схеме. Вот как Вильгельм Апулийский описывает поведение Роберта Гвискара на поле брани:

Отважно с большой смелостью помчался в самую гущу врагов. Он пронзал их копьем, рубил мечом, наносил ужасные удары сильными руками. Он действовал обеими руками так, что ни его копье, ни его меч не оставались не окровавленными, куда бы он ни направлял их. Трижды он был сбит с коня, трижды он собирался с силами и возвращался в битву

более боеспособным, чем был до этого. Его неистовство подгоняло его.

Когда лев, скрежеща зубами, яростно нападает на слабое животное и встречает на своем пути какое-либо препятствие, то это приводит его в бешенство, и его пылающий гнев побуждает его выступить против зверей, больших числом и размером, так что это ему дает возможность, оставаясь невредимым, стаскивать одного, пожирать другого и, опасаясь, что не успеет наесться вдоволь, терзать зверя до смерти. Так же делал Роберт, не переставая различными способами убивать свефов. Одним он отрубал ноги, другим руки. Он обезглавливал тело одного и вскрывал полностью до груди живот другого. Одного он пронзал сквозь ребра, а затем срубал ему голову. Он делал из больших тел малые, подрубая их до нужного размера. С доблестью он показал, что пальма первенства может принадлежать не только людям с большими телами, но равно и с малыми тоже. После битвы стало ясно, что никто в ней, ни победители, ни побежденные, не наносили столь мощных ударов (Apulensis 1851: 258).

В таком же духе говорит о победе Роберта Гвискара над «гигантом» Петром Тирским и Малатерра: «Когда же настала пора расходиться, Гвискар, глядя на его огромное, даже гигантское тело, и на своих людей мало надеясь (ибо был во всяком великом и важном деле наиотважнейший испытатель), схватил Петра поперек тела, на плечо забросил и к своим понес. Тут же с обеих сторон союзники пришли в движение: бизиньянцы затем, чтобы Петра выручить, норманны же, чтобы господину своему помощь оказать. Утомленный попытками Петра освободиться, Гвискар: когда его нес, когда перекатывал, когда ташил, наконец, к своим привел» (Malaterra 1928: 17–18).

Хотя в данном случае Роберт Гвискар проявил немалую физическую силу и выносливость, Малатерра хвалит его совсем за другие проявленные им качества: «По такой хитрости и другим подобным калабрийцы о Гвискаре узнали. Племя наитрусливейшее, все его боялись, которому, конечно, не было равных не только во владении оружием и изобретательности, но, как говорили, и в мужестве» (*Ibid.*: 18).

Таким же успехом увенчалась схватка Рожера с другим «гигантом», греком, но в данном случае Малатерра практически ничего не говорит об этом подвиге Рожера, считая, вероятно, что сказал уже достаточно.

Итак, хронисты утверждают, что норманны были сильны и выносливы, хороши собой, но проигрывали в этом германцам и византийцам. Более того, когда норманны расправлялись с врагами, которые выглядели и сильнее, и внушительные, проявив силу и выносливость, хронисты хвалят их не за проявленные ими физические качества, а исключительно за доблесть, мужественность и хитрость, с какой они расправлялись со своими врагами. Другими словами, с точки зрения норманнских хронистов, сила духа важнее, чем физическая сила. То есть норманны были сильнее в первую очередь не физически, а морально.

В их представлении физическая сила и внешняя привлекательность – ничто без душевных качеств и нравственного превосходства. Вильгельм Апулийский с презрением отзывается о византийском военачальнике Георгии Маниаке, который «кроме внешности, никакого похвального достоинства не имел, но имел гордую душу, необычайно свирепую по жестокости» (Apulensis 1851: 251). Малатерра говорит о том, как норманны преодолевали физическую немощь, вызванную тяжелой болезнью, климатом, голодом или возрастом, и бросались в гущу битвы, и сохраняли бодрость духа на войне.

Но не странно ли, что все три хрониста, которые ценят и рост, и силу, и красоту тела, тем не менее отдают в этом предпочтение врагам норманнов, оставляя за последними только право на моральное превосходство. По всей видимости, норманнские хронисты руководствовались при сравнении внешности норманнов и их противников неким общим образцом, который был перед их глазами во время работы над историей завоеваний норманнов в Италии. Л. Бем полагает, что описание противостояния норманнов и германцев у Вильгельма Апулийского выполнено в «характерной для северо-викингской и варяжской литературы мотива “Давид – Голиаф”» (Boehm 1969: 671). Этот мотив у норманнских авторов проявляет себя не только в описании столкновений норманнов с германцами и византийцами, но и в описании внешности Рожера у Малатерры и Ричарда у Амато.

Мы уже говорили выше, что оба описания норманнских предводителей на удивление похожи. Эти описания даны в момент, когда историки пишут о появлении норманнов в Италии, когда они еще не имели власти и могущества, находились в расцвете юных лет и «в начале славных дел». Вероятно, что в глазах хронистов они олицетворяли идеал юного Давида, которому была уготована

царская власть через сокрушение сильного и могущественного «гиганта» Голиафа.

Вполне очевидно, что для всех троих норманнских хронистов мотив «Давид – Голиаф» был признан наиболее подходящим образцом для наглядного описания побед сравнительно недавно пришедших в Италию над давно стяжавшими славу в этом регионе византийцами и германцами. Таким образом, норманнские хронисты использовали описания внешности норманнов и их противников как риторический прием, чтобы показать превращение слабых, незнатных норманнов в сильных и могущественных правителей Южной Италии.

В данном случае мы будем говорить о двух хронистах: Ромуальде и Фальканде. От всех прочих норманнских авторов их отличает то, что они создавали свои хроники не по указу норманнских правителей и не стремились показать их превосходство над всеми другими, а работали по собственному почину. Поэтому их работы свободны от некоторых идеологических построений, характерных для других норманнских авторов. Это совсем не значит, что их описания внешнего облика совершенно свободны от всяких идеологических установок, они также зависят от личности авторов и от эпохи. Но, по крайней мере, они более свободны в отборе материала, способах его отображения и оценки.

Ромуальд – архиепископ Салерно, медик, царедворец и дипломат – написал «Хроникон», в котором описал известные ему исторические события от сотворения мира до 1077 г.

Про норманнского князя Ричарда Капуанского он говорит, что тот был высокого роста (Romualdi... 1935: 170), а герцог Роберт Гвискар был не только «сильным и мощным в битве», но и запомнился своим «замечательным телом» (*Ibid.*: 175), как и его сын Рожер Борса (*Ibid.*: 179). В то же время другой сын Роберта – Бозмунд – был сутулым (*corpore deducto*). Внук Роберта Гвискара, герцог Апулии Вильгельм, был «среднего роста и стройный» (*Ibid.*: 184). Король Сицилии Рожер II предстает у Ромуальда как человек «роста огромного, тучный, с львиным лицом, с голосом немного хриплым» (*Ibid.*: 196). Его сын и наследник Вильгельм I был «прекрасен лицом и имел достойную внешность, телом тучный, высокого роста» (*Ibid.*: 296).

Другой придворный, Гуго Фальканд, – пристрастный современник описываемых им в «Истории королевства Сицилии» событий. Его работа выходит за рамки обычных средневековых и, в част-

ности, норманнских хроник. Его не интересуют войны и дипломатические акции королей, их величие и мудрость, он далек от намерения изображать последних лучше, чем они были на самом деле. Он описывает придворную жизнь во всем ее многообразии.

Фальканд исключительно пристрастен в своих оценках и описаниях внешности. Новоприбывшего ко двору сицилийских монархов из Испании брата королевы Генриха он описывает как человека «небольшого роста, имевшего очень редкую бороду, под бледностью проступала чернота его кожи» (Falcando 1897: 108). Другой придворный – евнух Петр, проигравший морское сражение с мусульманским эмиром, заслужил в его глазах следующую характеристику: «...как и все евнухи дворца, только по имени и по внешности был христианином, а душой сарацин» (*Ibid.*: 25). Архиепископа Рожера Регинуса он описывает так: «Был он уже в возрасте, клонящемся к старости; высокого роста; крайне истощенный и худой; голос имел до такой степени слабый, что казалось, будто он шипит, а не разговаривает; по лицу и всему телу черный цвет с белым так перемешан, что, кажется, состоит из частей мертвых и живых. Внешность, кроме того, показала и цвет души, ибо никакой трудной работы он не боялся, если надеялся какую-либо выгоду получить, способен был переносить голод и жажду сверх человеческих возможностей, только чтобы припасы сберечь. У себя дома пиров не устраивал, зато в других ни одного застолья не пропускал» (*Ibid.*: 95).

Это галерея портретов людей XII в., которые по тем или иным причинам не нравились Фальканду. Но нельзя отрицать, что были при дворе норманнских монархов те, о которых Фальканд говорит хорошо. Потомок норманнских завоевателей, предводитель баронской партии, убийца адмирала Майона Маттео Боннель представлен у Фальканда юношей «с прекрасным обликом, замечательным телом, более сильным, чем в таком возрасте полагается» (*Ibid.*: 31–32). В данном описании легко увидеть идеал норманнского рыцаря: юный, красивый, сильный.

В то же время у Фальканда мы не встретим ни одного описания внешности короля Сицилии из норманнской династии. Такое небрежение трудно объяснить. Только однажды он обмолвился о последнем короле Сицилии Танкреде де Лечче, сыне герцога Апулии Рожера, внуке короля Рожера II: «...он от рождения более усердием выделялся, чем доблестью тела» (*Ibid.*: 51). Из этой фразы мы можем понять только, что Танкред не в полной мере соот-

ветствовал идеалу правителя, который должен был выделяться не только духовными, но и телесными качествами. Современник и друг Фальканда Петр из Эболи называет Танкреда «несчастливым эмбрионом и отвратительным уродом», обращаясь к нему со следующими словами: «...с телом ты уродился коротким, в полчеловека, ибо со спины ты вылитый мальчик, а спереди старик» (Eboli 1906: 19). В том же сочинении помещена карикатура на Танкреда, под которой написано: «Танкред лицом старик, а ростом мальчик» (*Ibid.*: 125).

Из всего сказанного Петром о Танкреде можно понять, что тот был горбуном. Таким образом, родоначальники норманнских династий в Южной Италии запомнились норманнским хронистам как высокие, стройные, сильные юноши, а последний король норманнской династии – горбатым стариком.

Основное значение при исследовании внешнего телесного облика норманнов имеют данные византийских авторов: Михаила Пселла, Анны Комниной, Никифора Вриенния и др. В первую очередь потому, что византийцы были своего рода зеркалом для норманнов, не всегда объективным, но довольно точным и наблюдательным. Последнее в немалой степени было связано с необычайно высоким для XI в. уровнем развития византийской историографии.

В предисловии к очередному изданию «Алексиады» Я. Н. Любарский говорит, что «с первой половины X в. авторы исторических сочинений все больше пытаются изобразить реального человека, нарисовать его внешность, характер, особенности» (Комнина 1996: 41). Он также приводит слова Р. Дженкинса: «Между временем, когда Феофан закончил в начале IX в. свое сочинение, и временем, когда Пселл приступил к своему труду в XI в., в историографии произошел своего рода революционный сдвиг в сторону гуманизма (под гуманизмом Р. Дженкинс подразумевает пробуждение интереса к человеку. – Я. Л.)» (Там же: 41).

Михаил Пселл оставил ценнейшее описание внешности норманнов и варягов: «...они были страшны видом своим и наружностью; те и другие имеют светло-голубые глаза, но одни подделывают цвет (краску) и обнажают поверхность своих щек (то есть брились), другие сохраняют это в природном виде» (Васильевский 1908: 327). Из данного отрывка следует, что для византийского автора эти два народа, несмотря на некоторое сходство, очень сильно отличались между собой. Данное различие обусловлено не столько физическими особенностями, сколько этнокультурной принадлеж-

ностью. Если у норманнов было принято брить бороды, то варяги придерживались совершенно иного обычая. При описании поведения норманнов и варягов на поле боя эти различия между двумя народами только усугубляются: «...одни ужасны в натиске, легкоподвижны и стремительны (норманны. – *В. П.*), другие яростны, но медлительны (варяги. – *В. П.*); одни неудержимы в первом порыве их нападения, но скоро насыщают свою страстность, другие же не так стремительны, но зато не щадят своей крови и презирают свои раны (буквально: не обращают внимания на куски мяса, теряемые в сражении). Они (то есть итальянцы и русские) заключали собой цикл кругов, нося продолговатые копья и с одной стороны заостренные топоры» (Васильевский 1908: 327). Из этой характеристики нам становится ясно то, насколько сильно отличались норманны от варягов в глазах византийцев. Пселл не просто сравнил боевые качества двух разнородных отрядов: свойства норманнской кавалерии и варяжской пехоты, а осознано сравнивал два различных народа.

Анна Комнина обращает внимание на идеальное сложение и телесную крепость Роберта Гвискара: «Он был большого роста – выше самых высоких людей, у него была розовая кожа, белокурые волосы, широкие плечи... глаза – только что огонь не искрился в них. Его фигура отличалась изяществом там, где ей полагалось раздаваться вширь, и обладала хорошими пропорциями в узких местах. Этот муж, как я не раз слышала от многих людей, был идеального сложения с головы до пят» (Комнина 1996: 75). В другом месте Анна приводит еще одно описание внешности Роберта: «...он был высокого роста, всегда с ровно остриженными волосами на голове и густой бородой. Роберт постоянно стремился блюсти нравы своего племени и до самой кончины сохранял свежесть лица и всего тела; благодаря им его внешность могла считаться достойной владыки» (Там же: 187).

Внешность Боэмунда произвела на византийскую принцессу очень сильное впечатление: «Он был такого большого роста, что почти на локоть возвышался над самыми высокими людьми, живот у него был подтянут, бока и плечи широкие, грудь обширная, руки сильные. Его тело не было тощим, но и не имело лишней плоти, а обладало совершенными пропорциями и, можно сказать, было изваяно по канону Поликлета. У него были могучие руки, твердая походка, крепкие шея и спина. Внимательному наблюдателю он мог показаться немного сутулым, но эта сутулость происходила

вовсе не от слабости спинных позвонков, а, по-видимому, тело его имело такое строение от рождения. По всему телу кожа его была молочно-белой, но на лице белизна окрашивалась румянцем. Волосы у него были светлые и не ниспадали, как у других варваров, на спину – его голова не поросла буйно волосами, а была острижена до ушей. Была его борода рыжей или другого цвета, я сказать не могу, ибо бритва прошла по подбородку Боэмунда лучше любой извести. Все-таки, кажется, она была рыжей. Его голубые глаза выражали волю и достоинство. Нос и ноздри Боэмунда свободно выдыхали воздух: его ноздри соответствовали объему груди, а широкая грудь – ноздрям. Через нос природа дала выход его дыханию, с клочкотанием вырывавшемуся из сердца. В этом муже было что-то приятное, но оно перебивалось общим впечатлением чего-то страшного. Весь облик Боэмунда был суров и звероподобен – таким он казался благодаря своей величине и взору, и, думается мне, его смех был для других рычанием зверя» (Комнина 1996: 362 и сл.).

Таким образом, Михаил Пселл первым составил с природы подробное описание внешности норманнов, которое выходило далеко за рамки античной традиции. Восхищавшаяся им Анна Комнина при создании «Алексиады» с особым вниманием относилась к поступкам и деяниям норманнов и оставила подробнейшие описания внешности двух норманнских предводителей: Роберта Гвискара и Боэмунда, которого она видела своими глазами.

Литература

Васильевский, В. Г. 1908. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. В: Васильевский, В. Г., *Труды Васильевского В. Г.* СПб.: Имп. Акад. наук. Т. I, с. 177–377.

Гумилев, Л. Н. 2002. *Этногенез и биосфера Земли*. СПб.: Азбука-классика.

Комнина, А. 1996. *Алексиада*. СПб.: Алтейя.

Ле Гофф, Ж. 1992. *Цивилизация средневекового Запада*. М.: Прогресс, Прогресс-Академия.

Февр, Л. 1991. *Бои за историю*. М.: Наука.

Яременко, С. Н. 1997. *Внешность человека в культуре*. Ростов н/Д.: ДГТУ.

Aruliensis, G. 1851. *Gesta Roberti Wiscardi* / ed. by R. Wilmans. In Köpcke, R. (ed.), *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio*. Vol. IX. Hannover: Hahn, pp. 239–298.

Boehm, L. 1969. Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spiegel der Normannischen historiographie. *I Normanni e la loro espansione in Europa nell'ato medioevo*. Spoleto: Presso la Sede des Centro, pp. 623–704.

Dudo. 1865. *Dudonis Sancti Qvintini. De moribus et actis primorum Normanniae ducum*. Gaen: F. le Blanc-Hardel.

[Eboli, P. da]. 1906. *Liber ad honorem Augusti di Pietro di Eboli*. Roma: Forcani E.C. tipografi del Senato. xciv, 172.

[Falcando, U.] La Historia: o liber de regno Sicilie e la epistola ad Petrum Panormitane ecclesie thesaurarium / a cura di G. B. Siragusa. In *Rerum Italicarum scriptores*. Rome: Forzani, Tip. del Senato, 1897. xlv, 197.

Histoire anonyme de la premiere croisade. 1924. Paris: Les Belles Lettres.

Jumeges, G. de. 1914. *Gesta Normannorum ducum*. Paris: A. Lestringant.

McQueen, W. B. 1986. Relation between the Normans and Byzantium 1071–1112. *Byzantion* 56: 427–476.

Malaterra, G. 1928. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius. *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. Vol. 5. Bologna: N. Zanichelli.

Montecassino, A. di. 1935. *Storia dei normanni di Amato di Montecassino*. Roma: Tipografia del Senato (Fonti per la Storia d'Italia). cxix.

Orderici Vitalis angligenae coenobii Uticensis monachi. Historia Ecclesiastica. In Migne, J. P. (ed.), *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. T. 188. 1855. Paris: Garnier Frères, pp. 17–984.

Raimundi de Aguilers canonici Podiensis historia Francorum qui ceperunt Iherusalem. *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. T. III. 1866. Paris: Imprimerie royale, pp. 231–305.

Romualdi Salernitani Chronicon [A.m. 130 – A.C. 1178] / Romualdus; a cura di C. A. Garufi. In Lapi, S. (ed.), *Rerum Italicarum scriptores*. T. VII. xlii, 443. 1935. Città di Castello: Tipi dell' editore.